

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ МАНЬЧЖУРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (сентябрь 1931 – июль 1932 гг.)

Образование «независимого» государства Маньчжоу-Го на территории Китая в марте 1932 г. стало значительным этапом в политике экспансии Японии в Восточную Азию. Каким образом проводилась подготовка к созданию невидимой колонии в условиях критики и неодобрения западных держав? Как предполагалось осуществлять управление жизненно важным для Японии регионом? Эти вопросы стали предметом исследования в данной статье.

Для изучения подставленной проблемы, автор, прежде всего, обратился к многотомному изданию «История японской дипломатии», в котором подробно изложены различные этапы и аспекты японской внешней политики.

В частности, в томе «Маньчжурский инцидент»²⁷⁴ значительное внимание уделено парламентским дискуссиям касательно решения маньчжурской проблемы. Вопросы планомерной подготовки и поэтапной оккупации Японией трех китайских «восточных провинций», а также роль средств массовой информации в укреплении национальной идеологии достаточно полно отражены в книге японского исследователя К. Эгути «Начало пятнадцатилетней войны»²⁷⁵, представляющую серию «История Сева», изданную в Токио в 1982 г. В зарубежной историографии непосредственно вопросам политики Японии в Маньчжурии, управлению оккупированной территорией, строительству «независимого» государства посвящен ряд исследовательских работ, значительная часть которых собрана в книге «Японская империя военного периода, 1931 – 1945» под редакцией П. Дьюса, Р. Майерса и М. Питти²⁷⁶. Отдельное внимание автор статьи уделит политическим биографиям двух императоров Хирохито и Айсинь Гиоро Пу И и роли двух монархов в политической жизни государств²⁷⁷.

Незадолго до событий, положивших начало оккупации Японией Маньчжурии, министр иностранных дел Японии Сидехара Кидзуро получил от генерального консула в Мукдене Хаяси Кюдзиро секретную телеграмму, в которой говорилось, что есть признаки подготовки военных действий Квантунской армии. По этому поводу Сидехара выразил строгий протест военному министру Минами Дзиро, указав что «такое действие противоречит внешней политике кабинета Вакацуки, в основу которой положено международное согласие»²⁷⁸. Для умирения Квантунской армии в Маньчжурию был направлен начальник первого (оперативного) отдела генерального штаба генерал-майор Татекава Ёсигуту, который в тот же день отбыл из Японии. Положение дел в Токио было передано шифровкой офицеру штаба Квантунской армии полковнику Итагаки Сэйсиро, в результате чего Итагаки и его сообщники решили перенести начало силовой акции с 27 на 18 сентября. Татекава прибыл в Мукден 18-го во второй половине дня, и, не зная о переносе даты, во время ужина с Итагаки сообщил: «Центру половина вашего замысла стала известна. Центр требует отказаться. Мое же мнение – если вы уверены в успехе, выполняйте, а если нет уверенности – лучше отказаться»²⁷⁹. Это стало негласным одобрением начала действий.

События, произошедшие в Маньчжурии в ночь с 18 на 19 сентября, шокировали гражданское правительство в Токио. Встревоженный премьер-министр Вакацуки Рэйдзиро 19 сентября в 10.30 созвал кабинет на чрезвычайное заседание. Сидехара высказал подозрения, что на самом деле в инциденте повинны не китайские войска, а Квантунская армия. Он потребовал от

²⁷⁴ Нихон Гайкоси (История японской дипломатии). Т. 18. Мансю дзихэн (Маньчжурский инцидент), Токио, 1973.

²⁷⁵ Эгути К. Дзюгонен сенсо-но каймоку (Начало пятнадцатилетней войны) / Сева-но рекиси (История Сева). Т. 4. Токио: Сэгакукан, 1982.

²⁷⁶ The Japanese Wartime Empire, 1931-1945/ Edited by Duus P., Myers R., Peattie M. – Princeton: Princeton University Press, 1996.

²⁷⁷ Large S. S. Emperor Hirohito and Showa Japan: a political biography. – London: Routledge, 1992; Усов В. Н. Последний император Китая. Пу И (1906-1967). – М.: ООЛМА-ПРЕСС, 2003.

²⁷⁸ Эгути К. Дзюгонен сенсо-но каймоку (Начало пятнадцатилетней войны). С. 50.

²⁷⁹ Там же. С. 51.

военного министра гарантий, что «события не выйдут за рамки теперешней ситуации»²⁸⁰. Вакацуки, которого также беспокоил авантюризм военных и разделявший точку зрения Сидехара, считавшего, что сотрудничество с Западом и невмешательство во внутренние дела Китая в большей степени отвечают интересам Японии, заставил Минами «проинструктировать командующего Квантунской армией не расширять зону конфликта»²⁸¹. Минами вернулся в штаб и по телеграфу отправил приказ командующему Квантунской армией удерживать прежние позиции и избегать втягивания в дальнейшие боевые действия.

Пресса поддержала военных, тем самым усилив патриотические настроения народных масс. «Взрыв полотна ЮМЖД мукденскими войсками. Открыт огонь между японскими и китайскими войсками. Японский охранный отряд ведет ответный огонь» («Токио Асахи синбун» 19.09.), «Блестящие успехи наших войск» («Осака Асахи синбун» 20.09), «Почти полный разгром китайских вооруженных сил перед справедливостью» («Нагоя синбун» 20.09) – под такими заголовками все газеты публиковали новости, исключительно предоставленные Квантунской армией²⁸². По мере расширения военных действий СМИ распространяли идею правомочности действий японских войск, восхваляли боевой дух и успехи японских вооруженных сил, насаждали презрение и злобу к Китаю, враждебное отношение к Лиге Наций. В создавшейся ситуацией все газеты вынуждены были считаться с требованиями политики военных. «Асахи», которая придерживалась либеральных взглядов, выступала за сокращение вооружения и критически относилась к военным, но после начала инцидента была вынуждена отказаться от свободной дискуссии и после 1931 года совершенно изменила свой характер. После Маньчжурского инцидента в стране стало вводиться полувоенное положение и газеты лишились свободы слова. Радиостанции также были прикованы и поддерживали возникший военный конфликт. Принятый Всеяпонской радиовещательной ассоциацией курс формирования вещательных программ призывал «мобилизовать все возможности радиовещания и доводить до сознания народных масс, что Маньчжуро-Монгольский регион является зоной жизненных интересов Японии, разъяснять миру справедливость японской государственной политики, поднимать воодушевление и решительность у населения и направлять общественное мнение». Так, с сентября 1931 по октябрь 1932 года было подготовлено 280 программ по разъяснению актуальной обстановки, включая 61 лекцию, в которых 21 раз выступали начальник оперативного отдела генерального штаба Татекава и другие высокопоставленные военные²⁸³. Такой мощный поток СМИ обрушивался ежедневно на население, передавая ложные сводки Квантунской армии, пропагандируя справедливость политики Японии и вероломство Лиги Наций и Китая, и не мог не формировать в сознании японского населения ложного и однобокого представления о текущем положении.

На фоне растущего в стране патриотизма правительство не смогло взять ситуацию в руки. Запреты слабо подействовали на офицеров Квантунской армии. Исивара и его окружение оправдывали свои действия, пользуясь прерогативой «полевого командования». Положение осложнялось спорами военного и гражданского руководства касательно формирования политического курса. Военное командование в Токио пыталось решить, каким образом восстановить контроль над японскими вооруженными силами в Маньчжурии, тогда как гражданские власти пытались ограничить влияние военных и разрешить инцидент с наименьшими потерями для Японии в плане международного положения. Молодой император Хирохито, придерживаясь либеральных взглядов, призвал к миру и международной справедливости, что вызвало резкую критику со стороны военных, осудивших императора за то, что пока армия «ведет священную войну за укрепление власти и престижа государства, его высочество не дает одобрения и препятствует каждому шагу правительства»²⁸⁴. Ближайшие советники Хирохито рекомендовали императору не издавать рескриптов, препятствующих военным кампаниям на континенте, считая, что это только настроит армию враждебно к трону. Когда 22 сентября Вакацуки доложил императору, что будет вынужден санкционировать перевод воинских частей из Кореи в Мань-

²⁸⁰ Цит. по: Мак-Клейн Д. Л. Япония. От сегуната Токугавы – в XXI век. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 570.

²⁸¹ Цит. по: там же. С. 570.

²⁸² Эгути К. Дзюгонен сенсо-но каймоку (Начало пятнадцатилетней войны). С. 85.

²⁸³ Эгути К. Дзюгонен сенсо-но каймоку (Начало пятнадцатилетней войны). С. 89.

²⁸⁴ Large S. S. Emperor Hirohito and Showa Japan: a political biography. P. 49.

чжурию, поскольку это уже является совершившимся фактом, император одобрил действия генштаба, призвав к нерасширению боевых действий при любых обстоятельствах²⁸⁵.

Тем временем, стремясь расширить зону японского контроля, 8 октября Исивара, переодевшись в летную форму, повел пять самолетов на бомбардировку города Цзиньчжоу, расположенного к юго-западу от Мукдена. Чтобы успокоить международное общественное мнение, японский генеральный штаб отправил очередной приказ, запрещающий дальнейшее распространение боевых действий. Однако, спустя несколько дней появился повод к активным действиям – китайские вооруженные силы разрушили несколько железнодорожных мостов около Цицикара, а затем обстреляли японские ремонтные бригады. В этих условиях кабинет Вакацуки оказался в затруднительном положении: давление международного сообщества, с одной стороны, давление военных кругов и общественного мнения – с другой, мешали выработать конструктивную политику в отношении маньчжурской оккупации, и на протяжении осени 1931 г. независимые военные акции, которые правительство пыталось оправдать на международной арене защитой собственности и граждан от китайских военных, принимались пост-фактум.

В феврале 1932 г. Квантунская армия оккупировала всю территорию Маньчжурии. Основным вопросом, который стоял перед штабом, касался формы колониального управления оккупированной территорией. Возможные международные осложнения, вмешательство других держав, а также советский фактор заставили руководство обратиться к идее «независимого» государства. План создания такого государства, в значительной мере, был разработан полковником Доихара Кэндзи. Предполагалось, что новое государство будет республикой, управлять которой будут китайские чиновники, однако все нити управления должны были сводиться к штабу Квантунской армии, на которую возлагались задачи по защите нового государства, осуществлению внешней политики, контроль над транспортом и связью. В одном из меморандумов Квантунской армии говорилось: «Хотя ни договор девяти держав, ни Устав Лиги не позволяют Японии прибегать к открытым действиям, имеющими целью отделение Маньчжурии от Китая, эти договоры не должны препятствовать дезинтеграции государства, если таковой является воля китайского народа»²⁸⁶. Таким образом, в основу создания будущего «государства» была положена идея «народной воли», что повлекло за собой организацию структур, нацеленных на формирование национальной идентичности нового государства.

1 марта 1932 г. была опубликована «Декларация об образовании Маньчжоу-Го», в которой говорилось: «Маньчжурия в старое время представляло отдельное государство. При теперешней обстановке волею 30 миллионов людей мы заявляем об окончательном отделении от Китайской республики и создании нового государства Маньчжоу-Го. Цель создания государства – благоденствие народа. В отношении жителей на территории Маньчжоу-Го не делается никаких различий между народностями, то есть представители не только ханьской, маньчжурской, монгольской, японской и корейской, но и других народностей могут пользоваться равными привилегиями»²⁸⁷. Государственным флагом Маньчжоу-Го был избран штандарт Цинской империи (желтое поле с красной, голубой, белой и черной полосами), эра правления получила название Датун (великое благоденствие), столицей государства стал г. Чаньчунь, переименованный в Синьцзин (новая столица). Главой государства формально был назначен Айсинь Гиоро Пу И – последний император Китая.

Еще 2 ноября 1931 г. Пу И посетил японский полковник Доихара и предложил стать главой нового государства в Маньчжурии. Мечтая о реставрации трона, Пу И дал свое согласие, но только в том случае, если новое государство будет монархией. Однако, 9 февраля было объявлено решение «Северо-восточного Административного комитета» (нового созданного органа власти, состоящего из высших руководителей каждой провинции Особого района Восточных провинций и Монголии) учредить в Маньчжурии республику. Пу И воспринял это решение с негодованием и в письменной форме передал командованию Квантунской армии доводы, доказывающие необходимость сохранения наследственной императорской власти. В пунктах говорилось об уважении к сложившимся нравственным устоям и обычаям народа, слабом демократическом сознании маньчжуров, доверии к

²⁸⁵ Large S. S. Emperor Hirohito and Showa Japan: a political biography. P. 47.

²⁸⁶ Цит. по: Duus P. Japan's Wartime Empire: Problems and Issues // The Japanese Wartime Empire, 1931 - 1945. - P. XX.

²⁸⁷ Цит. по: Захарова Г. Ф. Политика Японии Маньчжурии. 1931-1945. – М.: Наука, 1990. С. 35.

монархическому правлению, существовавшему на протяжении веков²⁸⁸. Будущую форму правления Пу И видел в «монархическом строе с кабинетом министров, над которым образовано политическое управление, подчиненное императору, который таким образом будет принимать непосредственное участие в управлении страной»²⁸⁹.

23 февраля 1932 г. состоялась встреча Пу И с Итаками. Итаки сообщил, что Административный кабинет поддерживает кандидатуру китайского императора на пост главы нового государства, именуемую Верховным правителем. Когда Пу И отказался от этого титула, японец ответил, что «режим Верховного правителя – это лишь переходный период» и «когда будет образован парламент, он обязательно примет конституцию о восстановлении императорской системы»²⁹⁰.

Таким образом, 9 марта состоялась церемония вступления Пу И в должность «Верховного правителя», и в тот же день были опубликованы законы об организации органов государственного управления. Первым премьер-министром Маньчжоу-Го стал начальник канцелярии императора Чжэн Сяосюй. Военным министром был назначен Чжан Цзинхуэй, один из организаторов «движения за независимость».

В день провозглашения «государства» правительство Японии также приняло «Основной курс решения Маньчжуро-Монгольской проблемы». Суть его состояла в том, что поскольку Маньчжоу-Го занимает важное место в политике, экономике и обороне Японии, последняя будет его поддерживать, но в то же время внимательно следить за тем, чтобы внешние связи не расходились с Договором девяти держав, в котором была гарантирована независимость Китайской республики и неприкосновенность ее территории²⁹¹. Отделение и независимость Маньчжоу-Го явно противоречило этому договору, поэтому Япония всячески подтверждала, что Маньчжоу-Го приобрело независимость по своей воле.

12 марта 1932 г. правительство Пу И направило телеграммы идентичного содержания 17-ти государствам, которые имели консульских чиновников в Маньчжурии (Англии, США, Франции, Японии, Германии, СССР, Австрии, Бельгии, Дании, Эстонии, Италии, Латвии, Литве, Голландии, Польше, Португалии и Чехословакии), и правительствам примерно 35 других стран, в которой оно извещало их об образовании независимого государства Маньчжоу-Го и брало на себя обязательства «вести дела согласно принципам честности и доверия в духе гармонии и дружбы», «поддерживать и развивать международный мир», «уважать международную справедливость», «принять на себя все лежащие обязательства, которые вытекают для Китая из договорных постановлений с иностранными государствами», «соблюдать принцип открытых дверей». В телеграмме правительство выражало серьезные желания установить формальные дипломатические отношения между адресатами ноты и Маньчжоу-Го²⁹².

16 мая кабинет возглавил Сайто Макото. 3 июня на 62-ой Чрезвычайной сессии парламента он сделал доклад об общей внешней политике, в котором сказал: «Что касается Маньчжурии, что в настоящее время, проявляя твердую волю и руководствуясь идеалами реформ, происходит строительство нового государства. Я признаю, что наш народ возлагает большие надежды на то, что правительство этого нового государства успешно достигнет намеченной цели. Что же касается международных отношений, то нельзя не признать реальным фактом существование этого государства. Его успешное развитие будет способствовать не только установлению порядка на территории и ее процветания, но имеет важное значение для сохранения мира в Восточной Азии»²⁹³. Сайто выразил намерение как можно скорее признать это государство. Крупнейшие партии в основном принимали те позиции, которые были близки к политике премьер-министра, что объяснялось популярностью проводимого «позитивного» политического курса в обществе. Многие члены парламента разделяли мнение, что Япония должна проводить более «позитивную» внешнюю политику в процессе поисков своего пути в Восточной Азии. В частности, 14 июня на пленарном заседании палаты представителей было принято

²⁸⁸ Цит. по: Усов В. Н. Последний император Китая С. 154 – 156.

²⁸⁹ Цит. по: Усуй Кацуми. Мансю Дзихэн (Маньчжурский инцидент). Токио: Тюокоронся, 1997. С. 95.

²⁹⁰ Цит. по: Усов В. Н. Последний император Китая. С. 158.

²⁹¹ Цукасэ Сусуму. Мансюоку: «Минзоку кева» но дзизузо (Маньчжоу-Го: реальность «содружества народов»). – Токио: Есикава Кобункан, 1998. С. 145.

²⁹² Документы внешней политики СССР. Т. XV. – М.: Госполитиздат, 1969. С. 753.

²⁹³ Нихон Гайкоси (История японской дипломатии). Т. 18. Мансю дзихэн (Маньчжурский инцидент). С. 305.

предложение 45 депутатов партии Сэйюкай о признании Маньчжоу-Го. Во время обсуждения депутат Кодама от партии Сэйюкай заявил, что «в свете Договора девяти держав об отказе от войны и принципа самоопределения народов, признание страны является справедливым действием и выражает волю народа... Признание Маньчжоу-Го в интересах Японии, будет способствовать развитию Японии и восстановлению экономики страны, способствовать миру в Восточной Азии и гуманизму»²⁹⁴.

Весной-летом 1932 г. в японском парламенте проходили дискуссии вокруг трех основных вопросов. Наиболее важным был вопрос об управлении Маньчжоу-Го. Ни военные, ни гражданские должностные лица в Токио не были удовлетворены существующим положением, при котором Квантунская армия обладала всей полнотой власти в Маньчжоу-Го, проводя на территории несогласованную с национальным правительством политику. Принимая во внимание тот факт, что Маньчжурия не находилась под формальным оккупационным режимом, некоторые гражданские лидеры заявляли, что Квантунская армия должна передать свои полномочия в экономических и политических сферах сформированному бюро по гражданским вопросам, но военные представители не поддерживали обсуждения этого вопроса. Министры иностранных дел, сухопутных войск и колоний были в равной степени настроены обеспечить себе институциональное преимущество. Министр сухопутных войск оказывал предпочтение установлению формы управления фактически равнозначной протекторату путем создания Бюро по контролю за политическими и экономическими делами на территории. МИД был убежден, что создание структуры с открыто выраженной колониальной окраской сведет на нет принцип поддержания фикции независимости Маньчжоу-Го и предпочитал создание органа, который бы принял форму посольства. Под его прикрытием посол мог бы «консультировать» правительство Маньчжоу-Го. Министерство колоний ставило своей целью сохранить нити руководства через генерал-губернатора Квантунской области. Более того, оно надеялось распространить свою юрисдикцию и на экономическую сферу в Маньчжурии.

Не менее важным был вопрос о придании иного смысла функциям, исполняемым японскими гражданскими институтами в Маньчжурии и официальном статусе последних. К примеру, какова будет дипломатов на территории, являющейся формально независимой? Глава Восточноазиатского бюро министерства иностранных дел Тани Масаюки предложил назначить одно лицо одновременно на три ключевых поста в Маньчжурии: генерал-губернатора Квантунской арендованной территории (до событий 18 сентября Япония учредила на Ляодунском полуострове генерал-губернаторство колоний), командующего Квантунской армией и на должность чрезвычайного и полномочного посла. В качестве генерал-губернатора Квантунской территории, предполагалось, что лицо будет нести ответственность за все военные операции в Маньчжурии, включая внешнюю оборону и внутреннюю безопасность; в должности командующего Квантунской армией лицо будет управлять арендованной территорией, осуществлять юридические и полицейские функции в зоне ЮМЖД и руководить деятельностью концерна «Мантэцу»; будучи также назначенным на пост чрезвычайного и полномочного посла в Маньчжоу-Го, на лицо возлагалось осуществление руководства как внутренней, так и внешней политикой молодого государства. Лицо, занимающее три вышеуказанные должности, должно было подчиняться министру иностранных дел. Проект был одобрен, поскольку предполагал минимум перестановок при сохранении роли гарнизона, а также в большой степени способствовал усилению координации и эффективному контролю²⁹⁵. Однако представители министерства сухопутных войск все же планировали в корне пересмотреть систему принятия решений в маньчжурских вопросах.

18 июня во время заседания коллегии министерства иностранных дел были приняты положения касательно курса по решению маньчжурской проблемы. Они сводились к следующему:

1) Определение основного курса по решению маньчжурской проблемы.

²⁹⁴ Нихон Гайкоси (История японской дипломатии). Т. 18 Мансю дзихэн (Маньчжурский инцидент). С. 306.

²⁹⁵ Matsusaka Y. T. Managing Occupied Manchuria, 1931 – 1934 // The Japanese Wartime Empire, 1941-1945. P. 118.

Необходим основной курс, при котором Япония не планирует аннексию Маньчжурии, но превращает ее в независимое государство, где будут сохранены и приумножены права и интересы Японии.

2) Время признания.

Признание государства Маньчжоу-Го необходимо произвести в подходящий момент с учетом следующих обстоятельств:

а) упорядочения японо-маньчжурских отношений. Если этого не сделать заблаговременно, есть опасение, что после признания могут возникнуть трудности в управлении. Примером могут служить трудности России после признания Болгарии;

б) степени полноты суверенитета как независимого государства;

в) преждевременного признания, которое может оказать влияние на международные отношения:

- признание Японией Маньчжоу-Го до представления отчета комиссии Литтона, которая была назначена 10 декабря 1931 г., может вызвать отрицательную реакцию и быть воспринятым как пренебрежение мнением Лиги Наций;

- Япония, будучи участником Договора девяти держав, обязана признавать суверенитет Китая и не нарушать его территориальную целостность, однако Маньчжурия стала независимым государством, и хотя его признание не может быть нарушением договора, все же могут возникнуть возражения стран, особенно США, которые выступают гарантом Договора девяти держав;

г) требования ускорения процесса признания внутри страны. Задержка признания вызывает настороженность со стороны Маньчжоу-Го, нарекания Квантунской армии и проживающего в Маньчжурии японского населения.

3) Способ признания.

Из трех ниже перечисленных проектов, наиболее приемлемым представляется третий. Под «основным договором» подразумевается принципиальное соглашение между Японией и Маньчжоу-Го, устанавливающее отношения между этими государствами.

Проект 1. Предварительная подготовка к заключению основного договора, после чего в одностороннем порядке провозглашение Японией признания Маньчжоу-Го и заключение основного договора.

Проект 2. После предварительной подготовки к заключению договора принятие дипломатической делегации Маньчжоу-Го (или направление японской делегации в Маньчжоу-Го), признание и заключение основного договора (по прецеденту признания Панамы США).

Проект 3. Признание Маньчжоу-Го на основе заключения основного договора (по прецеденту признания Ирака Великобританией).

После признания Маньчжоу-Го требуется известить об этом третьи державы (например, в случае проекта 3 объявить о заключении основного договора).

4) Содержание основного договора.

Основной договор должен быть составлен с учетом следующих пунктов. При этом пункты (5) и (6) можно ограничить упоминанием в преамбуле. Что касается способов признания, изложенных в разделе 3), то можно обоюдным соглашением между представителями Маньчжоу-Го и Японии оговорить позиции (а) и (б) или только (б) нижеизложенного пункта (3).

(1) Япония удостоверяется, что Маньчжоу-Го представляет собой государство, провозгласившее независимость на основании самоопределения народа и признает, что с 9 марта 1932 года оно является полностью независимым государством.

(2) Япония с уважением относится к целостности территории Маньчжоу-Го и признает, что угроза ее нарушения и внутреннего порядка одновременно является и крупной угрозой обороне самой Японии.

(3) Исходя из сказанного:

(а) Если одна из сторон подвергнется нападению третьей страны, то стороны оказывают взаимную военную помощь;

(б) Маньчжоу-Го соглашается на присутствие японских войск до тех пор, пока самостоятельно не сможет поддерживать внутренний порядок в стране, а так же провозглашает, что при

чрезвычайном положении предоставляет возможность японским войскам пользоваться железными дорогами, портами, реками и аэродромами.

(4) Для здорового развития государства Маньчжоу-Го, японское правительство оказывает признанную необходимой помощь советами. Маньчжоу-Го принимает в качестве госслужащих или советников рекомендованных японским правительством компетентных лиц.

Следующие п.п. (5) и (6) можно ограничить включением в преамбулу к договору.

(5) Маньчжоу-Го выступает правопреемником договоров и соглашений, заключенных между Японией и Китаем, между Северо-восточными властями и японским правительством, а также подданными Японии, подтверждает и относится с уважением ко всем существующим в настоящее время государственным и гражданским соглашениям с Японией.

(6) В действующих договорах, требующих регулирования в связи с независимостью Маньчжоу-Го, вносятся соответствующие коррективы совместной комиссией²⁹⁶.

6 июля 1932 г. министром иностранных дел был назначен управляющий компании «Мантэцу» Утида Ясуя. Утида видел в признании Маньчжоу-Го оптимальный вариант маньчжурской проблемы, обосновывая его благородной миссией Японии в развитии мирного народного хозяйства в Маньчжоу-Го, подъеме экономики края, наведению порядка и низвержению военных клик. В меморандуме Утида отмечал, что «одновременное признание независимости Маньчжоу-Го Японией и Китаем остается единственным путем сохранения престижа Китая»²⁹⁷. Данное признание позволяло также «обойти» обязательства, взятые на себя Японией по Договору девяти держав. Японские политики делали ставку на то, что договор не предусматривал такого положения, когда часть Китая становилась независимой в результате его внутреннего разделения, а в данном случае, территориальная целостность Китая как раз была нарушена самим Маньчжоу-Го.

Вскоре японское правительство приступило к заключению договора с новым государством о признании де-юре. Этот договор был одобрен японским тайным советом 13 сентября и подписан в Синьцзине 15 сентября. 1-я статья японо-маньчжурского протокола предусматривала признание и уважение прав и интересов Японии и японских подданных на территории Маньчжоу-Го в соответствии со всеми прежними японо-китайскими договорами, соглашениями и различными частными договорами. 2-я статья зафиксировала, что в случае признания наличия угрозы территории, миру, порядку, сосуществованию одной из «высоких договаривающихся сторон» Япония и Маньчжоу-Го будут совместно сотрудничать в поддержании национальной безопасности пострадавшей стороны. В этих целях японские войска будут размещены на территории Маньчжоу-Го²⁹⁸. Советник Исии с пафосом констатировал, что «теперь, когда Япония заключила союз с Маньчжурией ради объединенной национальной обороны, я полагаю, что не встретится возражений против размещения японских войск в Маньчжурии, таким образом, последняя резолюция Лиги Наций (принятая 11 марта, в которой говорилось, что ни одна ситуация, договор или соглашение, противоречащие Уставу Лиги Наций или пакту Бриана – Келлога, не будут признаны членами Лиги – авт.) превратится в пустой клочок бумаги»²⁹⁹. Тем не менее, «союзнические» отношения с Японией позволили повысить ее роль во внутренней жизни нового политического образования.

Япония придавала большое значение маньчжурскому вопросу, рассматривая три «восточные провинции» как собственную «линию жизни» и неотъемлемую часть своего государственного образования. Это позволило ей значительно укрепить позиции на континенте и стало важным этапом для дальнейшей экспансии в Юго-Восточную Азию.

²⁹⁶ Нихон Гайкоси (История японской дипломатии). Т. 18 Мансю дзихэн (Маньчжурский инцидент). С. 315.

²⁹⁷ Там же. С. 310.

²⁹⁸ Текст договора приведен в: Стимсон Г. Дальневосточный кризис: воспоминания и наблюдения. - М.: Соцэкгиз, 1938.

²⁹⁹ Цит. по: Усов В. Н. Последний император Китая. С. 172.